МЫ МОЖЕМ ДЕЛАТЬ ВСЕ, НО НЕ КАК У ВСЕХ

ДЕНИ ФЛАЖОЛЕ, DE BETHUNE

DEBETHUNE

__De Bethune
DB28GS Grand Bleu

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

в прошлом году мы сделали 108 часов. больше, наверное, и не нужно. слишком уж мы мучаемся, чтобы сделать их безупречными, красивыми, точными

Француз Дени Флажоле — не только один из основателей и владельцев De Bethune. Он главный часовщик и часовой философ этой маленькой, но очень известной марки, расположенной в горах швейцарского кантона Во. Сын, внук и правнук часовых мастеров, он занят тем, что пересматривает основы профессии, сводя древние изобретения с современной техникой и технологией. Это принесло De Bethune многочисленные награды на Женевском часовом конкурсе, последнюю из которых владельцы марки получили в ноябре.

— Вы рассказывали однажды о том, как в детстве сидели у стола, за которым работали три поколения вашей семьи. Потом вы стали не просто часовщиком, но реставратором, который сталкивается с механическими шедеврами прошлого. Как эта традиция привела вас к De Bethune, марке, известной своим новаторством?

— Это очень просто. Когда ты погружаешься в историю часового дела и видишь, сколько идей накопилось за сотни лет, тебе кажется, что все уже сделано. Потом ты понимаешь, что многое придумано, но так и не сделано или сделано наполовину. Не было подходящих материалов, не умели так точно обрабатывать детали, расчет, понятно, вели от руки, работали на глаз. Теперь мы можем дать вторую жизнь многим вещам, изобрести заново величайшее искусство точной механики.

— Приведите же пример из практики De Bethune.

— Самый простой — наша спираль De Bethune. Проблема спирали — это сочетание легкости и инерции. Мы сделали ее из не существовавшего в эпоху Бреге титана, а потом и из кремния. Принцип сходный, возможности совсем другие. И так не только в обращении с историей. Точно так же можно изобретать заново уже существующие типы часов.

— Этим вы и руководствовались, когда сделали новые часы для ныряльщиков? Первый раз в истории De Bethune, не правда ли?

— Все очень удивились: как это — De Bethune делает часы для ныряльщиков. Даже приготовились, наверное, нас облить презрением: «И вы туда же?»

— Вы и вправду заняты совсем другим делом, ваши часы никогда не отвечали только на один вопрос, не служили одной цели.

— Неужели вы думаете, что мы решили конкурировать с Rolex? Их часы для ныряльщиков, особенно старые модели,— образец красоты и функциональности. Ну а мы решили показать, что можем делать все, но не как у всех. Мы назвали нашу модель DB28GS Grand Bleu.

— Grand Bleu, «Голубая бездна», как в фильме Люка Бессона? Но ваши часы не похожи на батискаф, их надо носить не в темноте океана, а на виду.

— Меж тем они приспособлены к темноте. Как ныряльщик различает цифры на глубине? Их покрывают люминесцентной краской, когда-то радиоактивной, теперь безопасной. Но проблема люминофоров в том, что им нужен внешний свет, чтобы его накопить и отдавать потом в темноте. А мы попросту осветили циферблат.

— С помощью пьезоэлемента, как когда-то Van Cleef & Arpels?

— Нет, у нас это принцип динамомашины, похожей на устройство велосипедной фары. Вы едете, колесо вращается, фара горит. Точно так же происходит в наших часах при нажатии кнопки. Две секунды света. И конечно, в наших часах есть все необходимое для ныряльщиков: вращающееся кольцо циферблата и секундомер. Плюс тройной противоударный механизм и большой запас энергии, который позволяет работать динамомашине. Но я бы не хотел, чтобы наши клиенты считали это просто трюком. Мне не хочется новшеств только ради новшеств.

— Сколько часов в год вы производите сейчас на мануфактуре?

— Совсем немного. Слишком уж мы мучаемся, чтобы сделать их безупречными, красивыми, точными. В прошлом году мы сделали 108 часов. Больше, наверное, и не нужно. В самые напряженные годы марка De Bethune не производила больше четырех сотен в год.

— Как вам работается в горах? Нет желания переехать вместе с мануфактурой поближе к городам? И как строится ваш рабочий день?

— Мой ритм жизни приспособлен к горам. С утра я час занимаюсь йогой. Сосредотачиваюсь, медитирую, пытаюсь приготовиться к новому дню. Думаю, имеет ли смысл то, что я делал вчера, и то, что буду делать сегодня. Потом провожу много времени с командой часовщиков на мануфактуре, хотя мы не всегда говорим о часах. В середине дня пауза для всяких важных, скучных, административных дел. А потом я сажусь на велосипед и уезжаю в мою собственную старую мастерскую, где, кстати, совсем не так чисто, как у нас на мануфактуре. И работаю там, сколько работается, пока не получится то, что я хотел сделать.

Беседовали Алексей Тарханов и Урс Дюмаре